

Алессандро Пассерен д'Антрев. «Понятие государства: введение в политическую теорию». Введение. Перевод на русский и комментарий

Аннотация: Книга Алессандро Пассерена д'Антрев (1902–1985) «Понятие государства» вышла первым изданием по-итальянски в 1962 году и сразу же обрела известность в научном мире. В 1967 году она была переведена на английский, в 1969 — на французский, в 2001 — на испанский. Данный перевод впервые знакомит отечественного читателя с фрагментом знаменитого труда А. Пассерена д'Антрев. В сопроводительной статье дается краткая справка о биографии автора, перечисляются его основные работы. В основе «Понятия государства» лежит исследование проблемы политического обязательства: как и почему люди начинают повиноваться решениям государства? Введение к работе «Понятие государства», в свою очередь, представляет собой стилистически завершенный очерк по политической семантике. В этом тексте А. Пассерен выделяет три основных ипостаси государства — силу, власть и авторитет, — и определяет их отличительные особенности. Силу он трактует как возможность государства принуждать граждан к исполнению своих велений за счет грубого насилия; власть понимается им в смысле легализованной силы, то есть, принуждение, основанное на законе и на праве; авторитет предстает в качестве основы легитимного господства государства. Подчеркивается необходимость комплексного исследования каждого из этих трех терминов в связи с двумя другими.

Ключевые слова: государство, сила, авторитет, власть, перевод.

Имя Алессандро Пассерена д'Антрев (1902–1985), к сожалению, мало что говорит отечественному читателю. Между тем, это один из наиболее влиятельных историков политической философии и политических теоретиков прошедшего столетия, соединивший в своем творчестве достижения континентальной и англо-саксонской науки. Его книга «Понятие государства», введение к которой приводится в этой публикации, составила значимую альтернативу господствовавшим в то время произведениям, созданным в рамках неогегельянской и нормативистской методологий и сразу же заняла значимое место в европейской политико-философской традиции. На русский язык она, между тем, никогда не переводилась.

Алессандро Пассерен д'Антрев* родился в начале XX столетия в Турине. В университет он поступил там же, на юридический факультет.

*Обзор биографии Алессандро Пассерена д'Антрев дается с опорой на статьи Sam-
pione, 1997: 788 и Silvestri, 2015.

Конец 10-х и 20-е годы прошлого века были золотым веком Туринского университета — молодой Алессандро учился у Каэтано Моска, Луиджи Эйнауди, Джоэле Солари, под руководством которого защитил диплом по философии права Гегеля. Вскоре после выпуска, благодаря стипендии, найденной для него Л. Эйнауди, Пассерен д'Антрев на три года уехал в Англию, в Оксфорд, что, во-многом, определило его дальнейшую судьбу. В Оксфорде он пробыл 3 года (1926–1929), участвуя в работе научного семинара А. Дж. Карлайля — знаменитого медиевиста и на тот момент уже одного из двух авторов прославившей его «Истории средневековой политической мысли на Западе» (R. W. Carlyle, A. J. Carlyle, 1903). Работу в этом семинаре Пассерен д'Антрев вспоминал впоследствии с благодарностью, отмечая, что без знакомства с Карлайлем «Понятие государства» никогда не появилось бы на свет (Passerin d'Entreves, 1969b: VII). Также в этот период (1928) он провел стажировку в Берлинском и Венском университетах, где, среди прочих, слушал лекции Фридриха Майнеке, Карла Шмитта и Ганса Кельзена. В 1932 году Пассерен д'Антрев защитил в Оксфорде докторскую степень по философии.

Период с середины 30-х и до середины 40-х годов Пассерен д'Антрев провел в Италии, где сначала преподавал в университете Мессины, а затем участвовал в партизанском антифашистском движении в районе своего родного Турина и Валь д'Аосты.

После войны, в 1945 году, итальянский ученый был приглашен в Оксфорд, где в течение шести лет занимал позицию профессора итальянского языка в колледже Серена. В это время он читал в Оксфорде курсы лекций по истории итальянского языка и литературы, пристально изучал Данте, прежде всего, с точки зрения его политических воззрений, исследовал политическое богословие Фомы Аквинского. Результатом этих его исследований стало его введение к английскому переводу трактата «О правлении князей» Аквината (Dawson, 1948), а также вызвавшее серьезный резонанс в академическом мире исследование по естественному праву (Passerin d'Entreves, 1951). В этот же период он, по всей видимости, знакомится с Дж. Р. Р. Толкиеном, занимавшим в Оксфорде позицию профессора английской литературы в колледже Мертон.

В 1957 году, после академического года, проведенного в университетах Гарварда и Йеля, Пассерен д'Антрев возвращается в Турин, где занимает должность профессора политической теории. Через несколько лет после этого выходит первое, итальянское, издание «Понятия государства», в основу которого ложатся наработки, сделанные ученым в

Великобритании и США. В течение последующих семи лет выходят еще три издания этой работы — два на английском и одно на французском (Passerin d'Entreves, 1967; 1969a,b), а ее автор становится известен не только как историк средневековой политической мысли, но как самостоятельный политический мыслитель. В основу «Понятия государства» ложатся размышления Пассерена д'Антрев о проблеме политического обязательства, попытка его ответить на вопрос о том, что заставляет людей повиноваться приказам государства. Отдельно стоит отметить тот факт, что все издания «Понятия государства», вышедшие после итальянского — первого, — представляют собой авторизованные самим Пассереном версии, в которые им вносились правки и дополнения.

Последующие годы Пассерен д'Антрев проводит, в основном, в Турине, где к 1969 году добивается создания первого в Италии факультета политологии, на котором он сам возглавляет кафедру политической философии. Умирает он в 1985 году, в Турине, в собственном доме.

Полное название «Понятие государства» («Понятие государства: введение в политическую теорию») отсылает читателя к первой знаменитой работе автора — «Естественное право: введение в философию права», вышедшей десятью годами ранее и, также как «Понятие государства» выдержавшей ряд переизданий. При ближайшем рассмотрении, однако, становится понятно, что перед нами полностью автономное исследование, центрированное вокруг проблематики политического обязательства. Обратившись к этому феномену, Пассерен д'Антрев выявил три основных фактора, заставляющих людей выполнять предписания государства. Первым из них стала грубая принуждающая *сила*, которой государство вынуждает людей к подчинению, вторым — *власть*, которую автор определил как легальные механизмы принуждения, действие государства как правовой системы, третьим же стал *авторитет*, то есть, основной источник легитимности государства и его установлений.

Такая постановка вопроса обусловила как структуру книги (она разделена на три части, озаглавленные «Мощь», «Власть», «Авторитет», каждая из которых, в свою очередь, делится на главы), так и методологическую ориентацию ее автора. В основу своего исследования Пассерен д'Антрев кладет инструментарий истории понятий, превращая привычную нам политическую теорию в увлекательное путешествие по политической семантике и политической герменевтике. Каждое из трех выбранных понятий раскрывается автором через серию иных, позволяющих полнее увидеть и понять их. Для «мощи» ключевыми

оказываются концепты «государственного интереса» (*raggione di Stato*) и «политического реализма», для «власти» — «правления права», «легальности» и «суверенитета», для «авторитета» — «легитимности», «общего блага», «негативной и позитивной свободы».

Подобная методологическая особенность книги заставляет предельно внимательно отнестись к ней при переводе. Английский язык (впрочем, как и итальянский) далеко не во всем совпадает с русским, у нас разные понятийные категории и по-разному развит политический лексикон. И если при переводе стандартного политологического текста, зачастую, оказывается достаточным просто адекватно передать его содержание, то в данном случае необходимо вдумываться в авторскую терминологию и пытаться сохранить еще и форму, несущую не меньшую смысловую нагрузку, чем содержание. Вместе с тем, представляется очевидным, что перевод «Понятия государства» на русский язык необходим отечественной политической философии и теоретической политологии, обращающейся, в последние два десятилетия, в сторону политической герменевтики и концепт-анализа основных смысловых единиц политического поля. Во многом именно из-за методологической сложности перевода и из-за необходимости продумать и отработать технику передачи языка Пассерена д'Антрев на русский, мы выбрали для первой публикации введение к его книге. В дальнейшем работа над переводом «Понятия государства» будет продолжена и, можно надеяться, что в ближайшем будущем мы увидим эту книгу в русском ее издании.

А. М.

АЛЕССАНДРО ПАССЕРЕН Д'АНТРЕВ

ПОНЯТИЕ ГОСУДАРСТВА. ВВЕДЕНИЕ В ПОЛИТИЧЕСКУЮ ТЕОРИЮ**

ВВЕДЕНИЕ

С момента рождения до момента смерти мы сталкиваемся с бесчисленными силами, которые разрушают или защищают течение нашей жизни

** © Философия. Журнал Высшей школы экономики. Перевод: Болгова Алеся Михайловна (alice.bolgova@gmail.com), под ред. А. В. Мареев. Оригинал: *Passerin d'Entrevès, A. The Notion of the State. An Introduction to Political Theory. Oxford : Clarendon Press, 1967. P. 1–11.*

и часто определяют нашу судьбу. Некоторые из этих сил оказываются полностью вне нашего контроля — к примеру, некоторые силы природы. Другие, напротив, являются результатом стечения обстоятельств, созданных нами самими или же другими — иногда намеренно, иногда нет. Самые многочисленные из этих обстоятельств — те, которые в любой момент могут вынудить нас совершать определенные поступки или препятствовать совершению других. Наиболее строгими, наиболее часто встречающимися обстоятельствами являются те, которые обычно ассоциируются с понятием таинственной, но вездесущей сущности, неопределенной и одновременно деспотической и непреодолимой власти: понятием государства.

Предположим, что мы зададим вопрос первому встречному и спросим его, существуют ли государства. Этот человек посмотрит на нас удивленно, предполагая, что мы его дурачим. Однако если мы попросим его объяснить, что такое государства, то в том случае, если он не был воспитан на книгах и исследованиях, которые обеспечили его готовым определением, он столкнется с трудностями при попытке дать краткое и ясное определение значения слова, которое ему, разумеется, знакомо и с которым он сталкивается каждый день в разговорах, на работе и при любом роде деятельности, в который он может быть вовлечен как человек и гражданин.

Попробуем рассмотреть значение самого этого слова, используемого в обиходе и известного нам из личного опыта. После минутного раздумья можно предложить следующие характерные высказывания:

(а) Слово «государство» обычно ассоциируется с понятием силы, внешней по отношению к индивидуальной воле, превосходящей ее и способной не только отдавать приказы, но и принуждать к их исполнению.

(б) Тот факт, что понятие государства ассоциируется с повелевающей и превосходящей силой, которая оказывается привилегией исключительно ее приказов, а не чьих-либо других, не означает, что эта сила непостижима и случайна. Напротив, понятие государства тесно связано с властью, которая осуществляется в соответствии с определенной процедурой, правила которой известны или, во всяком случае, познаваемы.

(в) Признание этой власти как осуществляющейся в соответствии с определенными правилами влечет за собой признание обязательств следовать этим правилам. Слово «государство» в этом смысле обеспечивает круг полномочий для этих обязательств. Это относится не только к силе, которая существует в действительности, или к власти, которая проявляет себя в соответствии с определенными правилами, но

и к авторитету, который признается на практике как правомочный и оправданный.

Эти три высказывания соответствуют трем возможным подходам к проблеме государства, и все три позиции были выдвинуты на передний план и утвердились на протяжении долгого периода анализа проблемы.

Когда мы рассматриваем существование государства с чисто фактической точки зрения, наибольшее наше внимание сначала привлекает значимость силы. Государство существует в той степени, в какой существует сила, которая носит его имя. Отношения государства и индивидуума, так же как и отношения государств между собой, суть отношения принуждения. Государство обычно наивно представляется в виде полицейского и сборщика налогов, которые следят за порядком и обеспечивают мирное сосуществование людей. Также оно представляется в виде больших армий, мощных вооружений и крепостей, заложенных чтобы защищать и сохранять это сосуществование в противовес внешним опасностям, исходящим из потенциальных угроз «силы» других государств.

С другой стороны, когда мы рассматриваем, каким образом представлена эта сила, считающаяся неотъемлемо присущей государству, и когда мы наблюдаем тот особый и значительный факт, что эта сила, будучи неотъемлемым свойством государства, никогда не может или не должна иметь случайный характер, — тогда государство тяготеет к представлению в виде сборника норм и правил, контролирующих не только сосуществование индивидов, но и существование самого государства. Сила эта — больше не просто сила: это «квалифицированная» сила, которая выражена регулярно и единообразно. Она осуществляется «во имя определенных норм и правил» — тех самых правил, утвержденных государством и составляющих его особую ответственность.

Таким образом, понятие закона оказывается тесно связанным с понятием государства. Но слово «закон» используется здесь в смысле, отличном от того, который мы вкладываем в него, говоря о физических законах, или так называемых законах природы. Это не вопрос фактического единообразия и регулярности, независимых от воли человека. Эти законы сотворены людьми — людьми, которые их установили и желали установить «порядок» в отношениях друг с другом для достижения определенных целей: прежде всего, для мирного сосуществования, которое необходимо, чтобы эти цели были в принципе осуществимы.

Тесная связь государства и права, однако, не разрешает множества проблем, возникавших относительно самого понятия государства в умах тех, кто с древнейших времен размышлял о нем.

Государство — это сила, но сила правомочная, выступающая «во имя закона». В то же время законы сами по себе, как мы убедились, созданы людьми. Они могут исключить случайный характер силы, но сами могут оказаться случайными. Что может сделать их обязательными? Только тот факт, что они навязаны государством? Но если бы это было так, нам бы следовало снова идентифицировать государство с силой, в то время как в реальности тот факт, что мы относим законы к государству, чтобы оправдать их обязательный характер, означает, что мы добавляем дополнительное ограничение (свойство) к силе государства: это сила, выступающая в соответствии с законом — с законом, который является обязательным, потому что установлен государством. Это порочный круг, из которого не будет выхода до тех пор, пока мы не признаем, что сила государства в реальности обладает двойственной характеристикой: она определяется правом и ценностью, которая неотъемлемо присуща государству и также выражена в законе. На самом деле, некоторая такая ценность уже существует, хотя и неопознанная, в сознании тех, кто ограничивается утверждением, что сила необходима как гарантия мирного сосуществования людей, или тех, кто подчеркивает достоинства силы, «действующей во имя закона», как знака регулярности и единообразия действий государства.

К таким же выводам можно прийти и рассуждая иначе. Существует заметное различие в наших способах говорить, когда мы ведем речь о принуждении, которое оказывает на нас определенный вид силы (силы «государства»), и той степени регулярности и единообразности, с которой эта сила действует (в соответствии с «законами»), — и когда мы говорим, что эта сила и эти законы обязательны. Здесь присутствуют два различных типа утверждений: первое — описывающее, второе — предписывающее. Само по себе утверждение о существовании законов и средств, обеспечивающих их выполнение, не обязательно влечет за собой какие-либо утверждения об обязанности им подчиняться. Утверждение подобного рода является дополнительным по отношению к утверждению об их существовании. Это дополнение может быть имплицитным и часто не замечается. Но оно влечет за собой существенный сдвиг от описания к предписанию, что радикальным образом меняет тип нашего рассуждения.

Нетрудно заметить, что этот сдвиг имеет место во множестве дискуссий на тему государства. Те, например, кто утверждает, что обязательность приказов государства происходит из того факта, что эти приказы при необходимости могут быть подкреплены силой, на самом деле присваивают той самой силе главную ценность. Будучи загнанными в угол, они с готовностью признают, что сила, если она необходима, — по-своему неплохая вещь. Подобным же образом и те, кто настаивает, что законы должны выполняться потому, что это законы (*Gesetz ist Gesetz*), лишь добавляют условие ценности к тому, что в противном случае являлось бы чистой тавтологией. На самом деле, наиболее частое объяснение обязательного характера законов происходит от конечного результата, ими обеспечиваемого: дисциплины человеческих отношений, без которой человеческая жизнь вряд ли была бы возможна. Но и не менее правдоподобным объяснением было бы то, которое может быть выведено, и часто выводится, из утверждения, что законы — это выражение ценности, называемой справедливостью. Именно наличие такой ценности превращает повиновение закону в обязанность.

Без сомнения, вполне возможно говорить о государстве в терминах фактических и описательных: но лишь ценой отрицания важного аспекта использования слова «государство» в обыденной речи, когда государство понимается как сила, регулируемая законами и заслуживающая уважения и подчинения.

Рассмотрим с другой стороны, как меняется образ государства в нашем сознании в зависимости от точки зрения, которую мы принимаем.

В первом случае государство — это сила; оно даже обладает монополией на силу. И действительно, в современном мире сила, имеющаяся в распоряжении государства, больше, чем человек способен вообразить, и его разум избегает осознания последствий применения этой силы в полной мере. Существуют, с одной стороны, психологические силы, касающиеся всех и везде. Они становятся все более проникающими с каждым днем в связи с возрастающей эффективностью таких техник, как массовая пропаганда и скрытое убеждение. С другой стороны, существуют новые неслыханные материальные силы, ставшие доступными благодаря развитию научных инструментов, оружия, средств защиты и нападения. А эти силы все еще в руках людей — часто лишь нескольких людей. С такой точки зрения эти руководители, «боссы», «верховные главнокомандующие», и являются государством: они — те, кто принимает решения и отдает приказы. Они держат нашу судьбу в своих руках. И кажется, что у нас нет иного выбора, кроме подчинения.

Во втором случае образ государства представляет собой нечто совершенно безличное. Люди исчезают за законами; или иначе — если мы обращаемся к государству, то мы сталкиваемся с непреклонными официальными фигурами, облаченными в мантии и униформу: чиновники, магистраты, судьи — все, кому доверено дело охранения закона и его администрирования. Но чиновники, магистраты и судьи не являются государством. Функции, которые они исполняют, устанавливаются законами. Их компетенции и их власть предоставлены им законом. Для юриста государство есть не что иное, как свод законов, действующих в определенном месте и времени. Государство само по себе создается правом. Государство и право совпадают: государство — это правовая система.

Подобное положение дел существует не только во внутренних отношениях. На уровне международных отношений государство связано законами, которые оно само также должно соблюдать, чтобы продолжать существовать и достигать своих целей. Эти законы могут быть куда менее точны и эффективны по сравнению с теми, которые регулируют отношения государства и его граждан. Но они определенно могут быть установлены, и они признаются, — если и не посредством кодексов или судов, то сознанием всех цивилизованных наций. Таким образом, даже в глазах международного права государство — это правовая структура. Вне закона сила, даже должным образом примененная, имеет лишь фактическое существование.

В последнем случае понятие государства вырастает в более широкий, но и нечеткий образ. С одной стороны, существует факт социального единства людей, живущих вместе и хранящих законы — часто, если не всегда, по их собственной воле и без принуждения. С другой стороны, существуют люди, чьи слова, мнения и действия учитываются: выборщики, чей голос определяет результат; партийные лидеры, определяющие политическую линию, которой должно следовать; публичные фигуры, получившие почет и признание сограждан и влияющие на их поведение. В обоих случаях это поведение оказывается следствием чувства долга, «соглашения» сторон, которое выполняется в общественной жизни по критериям, которые фиксируют и обуславливают подчинение. Соглашение такого рода — это не просто важный элемент в понятии государства, но само условие его существования.

Эти «гении-хранители» правят в городе: осознание социальной связи, согласие в целях, гражданское чувство, любовь к отечеству, полная преданность общему делу. Эти блага не возникают ни от применения

исключительно силы, ни от безличного голоса законов. И государство живет ими: государство есть сумма этих благ — возможно, действительно наивысших благ, которые человек может надеяться обрести на своем земном пути.

Я предлагаю выделить три направления, которые я обозначил тремя различными именами: «мощь» (might), «власть» (power) и «авторитет» (authority).

Традиция рассматривать государство как «мощь» или как «силу» отсылает нас к точке зрения, обычно называемой политическим реализмом, — способу помыслить государство, который имеет долгую историю и с недавних пор, возможно, в связи с нынешними обстоятельствами, снова кажется единственным объективным и достоверным подходом к проблеме политики. Этот традиционный способ мышления, хоть и тесно связанный с соотношениями сил в текущий момент истории, оставил достаточно много понятий о себе — как в словаре, так и в теории политики. Действительно, как мы увидим, именно реалисты были первыми, кто ввел в обращение и популяризировал слово «государство», — и сейчас являются теми, кто, как ни странно, настаивает на его полной неуместности.

Государство, рассматриваемое как «власть», — это государство правовой теории, где «власть» означает силу, квалифицируемую законом, силу со знаком «плюс». И неудивительно, что именно этот знак «плюс» привлекал особое внимание юристов, которым мы и обязаны уточнению и дальнейшей разработке концепции государства и идентификации его неотъемлемых признаков; прежде и более всего — суверенитета.

Государство, рассматриваемое как «авторитет», — это государство, которое нуждается в обосновании, которое не обеспечивается и не может быть обеспечено только лишь силой или исключительно осуществлением власти. Запрос на такого рода обоснование очень древний, и он дал пищу для жесточайших споров и спекуляций. Они, в свою очередь, оказали влияние не только на современное понятие государства, но даже на его форму и структуру. И хотя бы ради понимания этой особой структуры политическая теория должна, в конечном счете, руководствоваться философским знанием.

Слова, выбранные для описания этих трех аспектов проблемы государства, — это больше, чем просто слова. Их смысл в повседневном использовании далек от однозначного. Стоит заметить, однако, что в большинстве европейских языков различные слова и словосочетания используются тогда, когда возникает проблема государства и когда

предпринимается попытка описать способы, которыми оно выражает свое присутствие и действует. *Forza, potere, autorità; puissance, pouvoir, autorité; Macht, Gewalt, Herrschaft*; мощь, власть, авторитет — всё это слова, точный смысл которых не всегда имеет большое значение в повседневной речи; даже великие мыслители зачастую используют их произвольно. И все же было бы справедливо предположить, что они отсылают к различным свойствам, и их значения следует тщательно определить и исследовать. Возможно, лишь в последнее время началось исследование политического лексикона со строгих семантических позиций. Этот вид исследований только начат и может привести к некоторым интересным открытиям. Так, Уэлдон отмечает, что «власть (power) и авторитет (authority) четко связаны между собой. Масса ненужных трудностей возникла из-за того, что их логический анализ был недостаточен. Мы используем их корректно только тогда, когда осознаем, что они не являются именами двух различных, хотя и связанных друг с другом сущностей, которые каким-то образом зависят друг от друга» (Weldon, 1953: 50). Это совершенно справедливо, но Уэлдон не указывает, что различие и отношение между *potestas* и *auctoritas* были ясно обозначены таким авторитетом, как Цицерон¹.

Правильное использование этих слов есть вопрос не только стилистики (грамматики), но и исторической перспективы. Понятие власти, также как и авторитета, имеет долгую историю. В этой истории юристы, такие как Цицерон, сыграли ведущую роль — возможно, даже более значимую, чем политические философы и теоретики. И именно к ним мы должны обратиться для дальнейшего уточнения наших представлений о государстве. Некоторые из их доводов, по сути, являются поясняющими комментариями к большинству наших проблем.

Таким образом, мы видим, как теоретики права обнаруживают тонкую грань между «действенностью» (efficacy), «обоснованностью» (validity) и «легитимностью» (legitimacy) тех правил, которые они изучают, — и каковые, будучи объединенными (как система или «порядок»), составляют для них реальность государства. Это различие, я полагаю, имеет первостепенное значения для теории государства в целом.

Политический реализм — концепция, описанная выше, которая, по сути, заключается во взгляде на государство лишь как на простое выражение силы, — не может логически, в силу собственной логики, рассматривать любое свойство как важное в определении государства

¹De leg. III, 28: «Quum potestas in populo, auctoritas in senatu sit...»

— за исключением тех, что влияют на его эффективность или действенность. Государства существуют или нет в зависимости от того, обладают ли они силой принудить к исполнению собственных приказов как внутри, так и за их пределами. Там, где отсутствует мощь (might), нет государства — лишь только хаос и анархия.

Правовая теория государства, с другой стороны, в основном имеет дело с обоснованностью или «легальностью» приказов. Власть государства — это законная власть, обусловленная существованием и соблюдением закона. Она действительна лишь в той степени, в какой она определена и утверждена законом. Там, где кончается закон, кончается власть (хотя обратное не всегда будет верным), то есть могут существовать правила, которые будут действовать, как части правовой системы (государства), но не быть (по крайней мере, на данный момент) эффективными. Задачей юриста, чиновника, судьи является защита легальности: легальность любой ценой, какую бы трудность это не представляло. Действительно, мощь (might), которая ограничена дурными законами, будет лучше, чем мощь, свободная от любых законов. Определенность закона предпочтительнее полной неопределенности беззакония. Верность закону справедливо считалась главной добродетелью человека, избравшего право в качестве профессии (Fuller, 1958: 630–672).

Подобная точка зрения обладает собственным благородством и величием. Но ее ошибочность и ограниченность заключается в смешении понятия легальности с легитимностью. Возможно, «смешение» — не совсем верное слово. Это вполне может быть и намеренным отождествлением. Легализация силы — при условии, что она означает подчинение мощи праву, — представляется благородной задачей, знаком гуманности и прогресса. Но из этого совершенно не обязательно следует, что нужно подчиняться любым законам и всякой власти. Конечно, еще остается пространство для критического подхода к тому, что философы называли «проблемой политического обязательства». Не следует считать, что мы полностью расшифровали понятие государства, до тех пор, пока мы не в состоянии объяснить, как сила (force), первоначально легализованная как власть (power), в свою очередь становится легитимной в качестве авторитета (authority).

Предложенное деление на три типа проблем, возникающих вокруг государства, не претендует на оригинальность. Оно приблизительно соответствует общепринятому, по крайней мере в Европе, делению среди тех, кто имеет отношение к предмету: речь идет о разделении на социально-политические, правовые и философские концепции государства.

Но различие и противопоставление различных концепций государства может привести к совершенно неверному истолкованию. На основании этого можно утверждать, что в реальности должны существовать три различные сущности, к каждой из которой применимо название «государство», и каждая из которых обладает различными свойствами и функциями. На самом деле, возможно, такой сущности нет, а есть лишь особая и сложная ситуация, которая привлекает наше внимание. Слово «государство» — это не имя вещи, говорит Уэлдон. Но это, определено, именование состояния дел, в которые мы все вовлечены и в которых мы не можем не быть заинтересованы. Разница заключается в подходе — в образе, созданном нашим сознанием, а не в нашем базовом опыте. И этот опыт является именно тем, с чего мы начинаем: с того, что с момента рождения до часа смерти наша жизнь испытывает воздействие всепроникающего и явного присутствия государства.

«Человек рождается свободным, а между тем всюду он в оковах», — писал Руссо в начале своей знаменитой книги — возможно, самой важной книги из всех, что были написаны о государстве в наше время. Можно было бы возразить — и возражали — что человек не рождается свободным. То, что всюду он в оковах, также не соответствует действительности. Тем не менее, факт остается фактом: как заметил Цицерон, человек не живет в одиночестве; Аристотель называл человека политическим животным, чья судьба в значительной степени зависит от его связи с другими людьми. Никто из нас не волен делать все, что пожелает. Наши возможности ограничены. И, нравится нам это или нет, — государство является одним из главных изобретателей этих ограничений.

Таким образом, осознание человеческой зависимости лежит в основе всех наших размышлений о природе государства. Эта зависимость, как мы часто слышим, составляет основную предпосылку политики, сущность политических отношений. Важно помнить, что зависимость не всегда и не обязательно является вопросом исключительно применения силы. Сила, власть и авторитет тесно связаны между собой, и сложно найти одно из них отделенным от двух других. Ошибка некоторых современных теоретиков в том, что они полагают, будто эту зависимость можно рассматривать как эмпирическую данность, как что-то, что может быть измерено и изучено без выяснения причин, которые движут поступками людей, или определения тех ценностей, на которые их выбор, возможно, указывает. Современная политическая

наука обнаруживает поразительное сходство с некоторыми старыми представлениями о государстве лишь как о силовом отношении. Одним из самых значительных ее недостатков является пренебрежение важностью правовой структуры, в которой и заключается сила государства и с помощью которой она наиболее часто обосновывается и утверждается.

Но если это действительно так, если сила, которая принадлежит государству и существует в нем, — это сила, ограниченная законом, — то столь же верно и утверждение, что ореол, который окружает власть, простирается далеко за пределы границ легальности. Правовое понимание государства не в состоянии ни разрешить проблему природы его приказов, ни предложить адекватную причину обязательности их исполнения. Для того, чтобы объяснить первое и рассчитывать на второе, мы вынуждены признавать, что приказы государства обладают значимостью, которой никогда не сможет обладать сила сама по себе, и которую закон, самим фактом обращения к ней, определяет как необходимость.

В этой книге предлагается исследовать долгое и зачастую таинственное восхождение от силы к авторитету. Инвестируры, о которых я говорил, были однажды изображены с помощью странных, но при этом заметных символов: плащей, скипетров, корон и диадем, — что сделало их видимыми и твердо зафиксировало в сердцах людей и в их воображении. В наши дни, даже не будучи намеренно отмененными, эти символы почти полностью исчезли. Но это несколько не умаляет необходимости снова попытаться ответить на вековой и вечно возвращающийся вопрос: что же это такое, что может превратить силу — в закон, страх — в уважение, принуждение к согласию — в необходимость свободы?

ПРИМЕЧАНИЕ

Здесь можно добавить некоторое пояснение к использованию мной терминов «сила» (*force*) или «мощь» (*might*), «власть» (*power*) и «авторитет» (*authority*). Я уже указывал, что их смысл, даже в рамках языка, претендующего на статус технического языка современной политической науки, далек от однозначного. На самом деле, конечно, самым популярным из трех является «власть» (*power*) — слово, которое часто используется индифферентно, чтобы объединить все три понятия, которые я попытался разделить в этом введении. Это, в свою очередь, вынуждает квалифицировать различные типы власти (*power*)

с помощью дополнительных прилагательных, таких как «голая», «институционализованная», «социальная», «политическая» власть и т. д. Как ни удивительно, «сила» считается неприемлемым термином и почти единогласно исключается из употребления современными политическими писателями. Многих бесполезных дискуссий можно было бы избежать, если бы точные определения Макса Вебера, и особенно его различие *Macht* (мощи²) и *Herrschaft* (господства) остались бы в головах³.

Мощь (*Macht*), в качестве прямого эквивалента которой я предлагаю английское слово *might*, не обязательно относится, по Веберу, лишь к физической силе, и еще меньше к насилию. Она означает, говорит Вебер, «возможность воздействия на чью-либо волю в рамках данных социальных взаимоотношений» вне зависимости от используемых средств и невзирая на любое сопротивление. На самом деле политические писатели прошлого, мыслившие государство в терминах чистой мощи, совершенно ясно осознавали, что зависимость одного человека от воли другого может быть результатом воздействия различных факторов. На уровне мощи или силы важно то, что такая воля исполняется, а приказания повинуются. Акцент здесь делается на эффективности.

Господство (*Herrschaft*) контрастирует с мощью (*Macht*) в первую очередь с точки зрения того, каким образом осуществляется эта зависимость человека от человека. Релевантным здесь, по мнению Вебера, является то, что подчинение относится к «особым приказам», отдаваемым «определенными людьми». Как справедливо указал Карл Фридрих, «правило» является сущностной характеристикой господства (Friedrich, 1963: 180, п. 1. Но его точный эквивалент — это не «правило» и не «императивный контроль»: это «власть», власть в ее строго правовом смысле, в том смысле, в котором мы говорим о правилах, передающих власть, или о полномочиях, которыми обладают чиновники. Акцент здесь делается на легальности.

²В русской традиции переводов Макса Вебера слово *Macht* обычно передается русским словом «власть», особенно в классической триаде «власть, господство, авторитет» (*Macht* — *Herrschaft* — *Autorität*), к которой в данном случае отсылает А. Пассерен д'Антрив. В данном случае мы уходим от этой традиции, чтобы сохранить игру слов, присутствующую в тексте А. Пассерена, и подчеркнуть этимологическое родство немецкого *Macht* и английского *might*. — *Прим. ред.*

³Это разделение может быть найдено в новаторской работе М. Вебера «Экономика и общество» («*Wirtschaft und Gesellschaft*», английский перевод см.: Weber, Henderson, Parsons, 1947).

Наконец, поскольку мой подход к авторитету определен, я охотно признаю его близость к веберовскому понятию легитимного господства. Но я бы хотел подчеркнуть, что термин «авторитет» следует использовать для обозначения не фактической ситуации, но лишь ситуации должностования. На мой взгляд, авторитет совершенно не обязательно связан с существованием права, институциональной власти, но он является (или должен являться) первоосновой ее действенности, где действенность понимается не просто как описательное выражение, но как действительное предписание.

Одной из самых больших заслуг (и одним из самых неожиданных результатов) современной политической теории, на мой взгляд, является то, что на повестке дня снова стоит проблема легитимности в связи со властью. Еще предстоит выяснить, приведет ли это к возобновлению критического интереса к основам власти — одним словом, к возрождению политической философии.

Я не буду даже пытаться обсуждать и давать оценку тому огромному объему вышедшей за последние десятилетия литературы, посвященной если и не строго государству, то во всяком случае — о праву, власти и авторитету. Работы, имеющие непосредственное отношение к вопросам, поднятым в этой книге, будут упомянуты в тексте каждой главы.

СОКРАЩЕНИЯ

De leg. *Cicero M. Tullius. De legibus* // Cicero in Twenty-Eight Volumes. Vol. 16. De re publica, De legibus / trans. by C. W. Keyes. — London, Cambridge, Mass. : W. Heinemann, Harvard University Press, 1928. — P. 289–519. — (Loeb Classical Library ; 213).

ЛИТЕРАТУРА

Campione R. Introducción al pensamiento de Alessandro Passerin d'Entrèves // Anuario de Filosofía Del Derecho. — 1997. — Vol. XIV. — P. 787–802.
Carlyle R. W., Carlyle A. J. A History of Medieval Political Theory in the West : in 6 vols. — London, 1903.
Dawson J. G. Aquinas: Selected Political Writings / ed. by A. Passerin d'Entreves. — Oxford, 1948.
Friedrich C. J. Man and his Government. — New York, 1963.
Fuller L. L. Positivism and Fidelity to Law — a Reply to Professor Hart // Harvard Law Review. — 1958. — Vol. 71, no. 4.
Passerin d'Entreves A. Natural Law. An Introduction to the Legal Philosophy. — London : Hutchinson University Library, 1951.

- Passerin d'Entreves A.* The Notion of the State. An Introduction to Political Theory. — 1st ed. — Oxford : Clarendon Press, 1967.
- Passerin d'Entreves A.* La notion de l'Etat. — Paris : Sirey Editions, 1969a.
- Passerin d'Entreves A.* The Notion of the State. An Introduction to Political Theory. — 2nd ed. — Oxford : Clarendon Press, 1969b.
- Silvestri P.* Alessandro Passerin d'Entreves // Dizionario Biografico degli Italiani. Vol. 81. — Torino : Istituto dell'Enciclopedia Italiana Treccani, 2015.
- Weber M.* The Theory of Social and Economic Organization / trans. from the German by A. M. Henderson, T. Parsons. — London, 1947.
- Weldon T. D.* The Vocabulary of Politics. — London, 1953.

Passeren d'Antrev, A. [Passerin d'Entreves, A.] 2017. "Ponyatiye Gosudarstva. Vvedeniye v politicheskuyu teoriyu [The Notion of the State. An Introduction to Political Theory]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 1 (1), 93–110.

ALESSANDRO PASSERIN D'ENTREVES

THE NOTION OF THE STATE. AN INTRODUCTION TO POLITICAL THEORY

Abstract: Alessandro Passerin d'Entreves' (1902–1985) book "The Notion of the State" appeared for the first time in Italian at 1962. Once appeared, it obtained a great popularity, so two English editions and one French were published at 1967 and 1969 after that. The Spanish translation appeared at 2001. This publication is the first step to acquaint the Russian reader with the great book of A. P. d'Entreves. In the introductory article here is a brief outline of the life and works of the Italian political scientist. The "Notion of the State" is a study of the problem of the political obligation: when, how and why begin the people to obey the State's orders? In turn, the Introduction to this book, translated now into Russian, is the perfect and precise essay on the political semantics. In this text, Alessandro Passerin d'Entreves exposes his view of the State briefly as an essence with three faces, which are the might, the power and the authority. The might is the capacity of the State to force its citizens to obey its orders; the power, according to him is the legal force or the pure legality — the State conceived from this point of view is the impersonal legal construction, based on the law and acting according to its proper laws. Finally, the authority is the basis of the State legitimacy.

Keywords: State, Might, Power, Herrschaft, Authority, Translation.

REFERENCES

- Campione, R. 1997. "Introducción al pensamiento de Alessandro Passerin d'Entrèves" [in Italian]. *Anuario de Filosofía Del Derecho* XIV:787–802.
- Carlyle, R. W., and A. J. Carlyle. 1903. *A History of Medieval Political Theory in the West*. 6 vols. London.
- Cicero M. Tullius. *De legibus*. In *De re publica, De legibus*, vol. 16 of *Cicero in Twenty-Eight Volumes*, trans. by C. W. Keyes, 289–519. Loeb Classical Library 213. London and Cambridge, Mass.: W. Heinemann / Harvard University Press.

- Dawson, J. G. 1948. *Aquinas: Selected Political Writings*. Ed. by A. Passerin d'Entreves. Oxford.
- Friedrich, C. J. 1963. *Man and his Government*. New York.
- Fuller, L. L. 1958. "Positivism and Fidelity to Law — a Reply to Professor Hart." *Harvard Law Review* 71 (4).
- Passerin d'Entreves, A. 1951. *Natural Law. An Introduction to the Legal Philosophy*. London: Hutchinson University Library.
- . 1967. *The Notion of the State. An Introduction to Political Theory*. 1st ed. Oxford: Clarendon Press.
- . 1969a. *La notion de l'Etat* [in French]. Paris : Sirey Editions.
- . 1969b. *The Notion of the State. An Introduction to Political Theory*. 2nd ed. Oxford : Clarendon Press.
- Silvestri, P. 2015. "Alessandro Passerin d'Entreves" [in Italian]. In *Dizionario Biografico degli Italiani*, vol. 81. Torino : Istituto dell'Enciclopedia Italiana Treccani.
- Weber, M. 1947. *The Theory of Social and Economic Organization*. Trans. from the German by A. M. Henderson and T. Parsons. London.
- Weldon, T. D. 1953. *The Vocabulary of Politics*. London.